

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мир в XX веке претерпел колоссальные изменения, а человечество приобрело уникальный опыт, заплатив за него огромную цену. Особенно драматично сложился XX век для России. Многократно менялось самоназвание страны: Российская империя, Российская республика, Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика (РСФСР), входившая в состав Союза Советских Социалистических Республик (СССР), Российская Федерация (Россия). За каждым из этих изменений следовал глубочайший переворот во всем строе народной жизни. В XX веке неоднократно происходили смены моделей экономического развития: рыночная экономика в период существования Российской империи и Российской республики, большевистские опыты по введению «военного коммунизма», «новой экономической политики» и командно-административной системы. Наконец, новый переход к рынку, осуществленный в форме «шоковой терапии» в 1992 г., сразу же после развала СССР.

В период большевистской диктатуры над страной и ее народом был осуществлен гигантский, не имеющий аналогов в мировой истории по масштабам и длительности осуществления эксперимент по воплощению в жизнь социальной утопии — построению идеального общества под названием «коммунизм». «Волны» от этого эксперимента распространились на значительную часть земного шара и не утихли еще до настоящего времени. В 1917–1922 гг. Россия пережила страшную трагедию, вошедшую в историю как гражданская война, последствия которой не преодолены до сегодняшнего дня. В результате политики социального геноцида, начатой большевиками, миллионы россиян

вынуждены были бежать из своей собственной страны и умереть на чужбине, так и не дождавшись возвращения на родину. В России были уничтожены целые слои населения, от потери которых страна не может оправиться и сегодня. Особенно тяжелым для российского социума оказалась потеря национальной экономической, политической, военной и культурной элиты, а также крестьянства как стового хребта нации. При этом Россия смогла не утратить статуса великой державы, перейти в индустриальную стадию развития и значительно продвинуться по пути создания в стране постиндустриального общества. Выход в космос и создание ядерного оружия позволил стране обеспечить военно-стратегический паритет с другими, более развитыми странами.

Как великая держава, Россия приняла участие в двух мировых войнах, внося решающий вклад в победу Антанты в Первой мировой и антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне. Обе этих войны являлись для России отечественными, поскольку народ и армия боролись с врагом на пространствах своего отечества, защищая территориальную целостность и суверенитет своей родины. Тем не менее, победоносные итоги этих войн стали для России не триумфами, а национальными трагедиями. В результате Первой мировой войны власть в России захватили большевики, страна оказалась отстраненной державами-победительницами от участия в мировой политике в рамках договоренностей, заключенных в рамках Антанты, затем предусмотренных Версальским мирным договором. Что касается Второй мировой войны, то ее итоги хотя и были подведены с участием СССР, который внес решающий вклад в уничтожения германского фашизма и японского милитаризма, однако огромные жертвы, понесенные народами России в этой войне, и характер правящего в стране режима во многом обесценили для них значение этой Великой Победы.

Одной из актуальнейших проблем отечественной истории XX в. является оценка ее итогов. В начале 90-х годов XX в. произошел переход российского общества в новое качество. Российский гражданин вернул себе право на обладание частной собст-

венностью, возможность свободно выезжать и, если пожелает, возвращаться в свою страну, говорить, писать, петь, рисовать то, что посчитает нужным, исповедовать любую религию или быть атеистом, менять заработанные им деньги на валюту любой страны мира и делать многое другое, что говорит об обретенной им свободе. Данное состояние продолжает оставаться новым для россиян, и многие люди, не имеющие достаточно средств для реализации полученных прав на практике, считают полученную свободу избыточной. Велика и цена (распад страны, межнациональные конфликты, преступность, падение нравов, коррупция), заплаченная и выплачиваемая ежедневно, ежеминутно российскими гражданами и обществом в целом за произошедшие изменения. Насколько такая цена оправдана, в какой мере она является следствием произошедших изменений и в какой — предшествующего развития страны? Этот вопрос задается сегодня миллионами россиян. На наш взгляд, осознание произошедших изменений и их адекватная оценка возможна лишь в контексте анализа и понимания развития страны на протяжении всего XX в.

В настоящее время опубликовано огромное количество документов, позволяющих лучше представить важнейшие этапы новейшего периода отечественной истории. Как в России, так и за рубежом вышло множество исследований, посвященных различным аспектам внутренней и внешней политики страны, социальным и культурным процессам, протекавшим в России в XX в. Сделаны попытки дать общие оценки происходившим в России событиям. Данная монография является одной из таких попыток и включает в себя ряд концептуальных заметок, отражающих взгляды автора на ряд теоретических проблем исторического знания ключевых моментов истории России XX века.

ГЛАВА 1

ИСТОРИЯ И ИДЕОЛОГИЯ: ДИАЛЕКТИКА ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЯ

Обычно под идеологией (от греч. — учение об идеях) понимается «система идей и взглядов: политических, правовых, философских, нравственных, религиозных, эстетических, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности, выражаются интересы социальных групп»¹. С данным определением можно согласиться с одним очень важным дополнением. Любая идеология всегда включает в себя мощную историческую составляющую. Очевидно, что отношение к действительности формируется через призму накопленного опыта и жизненных, коренных интересов людей. Каждая конкретная действительность есть результат предшествующего развития и может получить ту или иную оценку лишь в историческом контексте. Настоящее (действительность) является ничем иным, как будущим прошлого и, в свою очередь, выступает в качестве прошлого будущего. А ведь именно прошлое человеческого общества и является предметом изучения истории. Поэтому любая идеология не только предполагает весьма подробные исторические экскурсы, но и достаточно целостный, в рамках своей общеполитической доктрины, взгляд на конкретно-историческую динамику формирования того или иного облика существующей действительности. При этом социальные системы, конкретные исторические личности, исторические события и процессы получают определенные оценочные характеристики, которые становятся частью данной идеологической системы. Таким образом, история, как важнейшая отрасль человеческих знаний, является и важнейшей составной частью практически любой идеологии.

¹ Современный словарь иностранных слов. — М., 1992. — С. 223.

Было бы ошибочно утверждать, что идеология, даже если она не носит утопический или сугубо религиозный характер, является суммой наук и сама выполняет функцию научного знания. Функция науки — разработка методов познания, изучение объективной реальности и вооружение людей результатами познания. Наука стремится понять мир таким, какой он есть на самом деле, то есть глубоко и всесторонне, она претендует на то, чтобы быть объективной и беспристрастной. Наука имеет цель выявить закономерности, определить тенденции, установить причинно-следственные связи и, в конце концов, понять смыслы. Это в полной мере относится и к исторической науке, изучающей прошлое человеческого общества. Функции идеологии гораздо скромнее. Ее задача — обосновать интересы. Как полагает А. Н. Медушевский, «идеологии и связанный с ними способ мышления — это вненаучный способ объяснения мира, который в истории приводит к мифологизации прошлого, политической или этической пристрастности и искажению строгих научных методов анализа источников и конструирования общих понятий. Дистанцирование от идеологии и политики, понимаемой как эгоистические интересы отдельных слоев и групп — необходимое условие подлинной науки»². На наш взгляд, интересы могут быть как подлинными, так и мнимыми, цели — реальными или утопическими, действия — правильными либо ложными.

При этом несомненно, что главная задача идеологии — добиться консолидации той или иной социальной группы или конкретного коллектива, социума в целом на базе определенной совокупности идей, направить их развитие и деятельность в определенное, соответствующее этой идеологии русло. Как уже отмечалось, идеология, в отличие от науки, очень тесно и непосредственно связана с политикой, которая выступает в качестве инструмента борьбы за власть в обществе и способа удержания этой власти.

² Медушевский А. Н. Российская истории: новые рубежи и пространство диалога // Российская история. — 2009. — № 1. — С. 3.

Поскольку идеология является взглядом на мир с позиции определенной группы лиц или конкретного социума, она грешит стремлением к упрощению, желанием выдать одну сторону действительности за всю ее картину, рисует в общественном сознании свой облик мира. Что касается утопических идеологий из числа оставивших в истории России заметный след, а именно различных направлений народничества или марксизма, то они и вовсе порывали с объективной реальностью, рисуя перед своими сторонниками фантастические картины идеальных обществ будущего. В сознание определенных социальных слоев, в данном случае крестьянства и пролетариата, разработчиками и носителями утопических идеологических систем, в качестве которых выступали представители революционной интеллигенции, внедрялось ложное сознание, что именно данная идеология и никакая другая выражает и защищает их подлинные интересы. В конечном счете это дорого обошлось как российскому крестьянству и городским рабочим, так и самой интеллигенции.

Рассмотрим место исторического знания в структуре идеологии более подробно. Как известно, научное историческое знание предполагает получение достоверной информации о реально произошедших событиях с участием человека, осмысление причинно-следственных связей этих событий, выяснение общих закономерностей и особенностей исторического процесса³. В качестве науки история стремится быть максимально правдивой, объективной и политически нейтральной. Однако история не только объясняет произошедшее, но и формулирует отношение к нему. Она содержит в себе как собственно знание о прошлом, так и его нравственную оценку (в этом одно из фундаментальных отличий истории, да и других гуманитарных наук от так называемых «точных» наук). Чем ближе предмет изучения

³ *Гончаренко Л.Н.* Специфика исторического знания // Отечественные традиции гуманитарного знания: история и современность. V международная научно-практическая конференция 22 мая 2009 г. — СПб., 2009. — С. 184.

историком к современности, чем в большей степени прошлое определяет современность, затрагивает интересы ныне существующих социальных групп, этносов, политических движений и государств, тем в большей мере история выступает в качестве идеологии, то есть по сути мифологизированного знания. Являясь необходимым компонентом любой идеологии, история уже не может быть бесстрашной, поскольку служит конкретным политическим целям, выступает как обоснование конкретных жизненных интересов носителя той или идеологии, в том числе и государства в целом. Последнее, как известно, может иметь самые различные политические формы и формулировать различные политические приоритеты.

Каждая идеология через призму своих политических приоритетов стремится дать оценки прошлого, а также настоящего и сформулировать свое представление о будущем. Выступая как часть идеологической системы, история, апеллируя к прошлому, обосновывает политические позиции, является средством защиты и нападения в политической борьбе, ее выводы начинают носить ярко выраженный морально-оценочный характер. Идеологи ищут в истории подтверждение истинности определенных идеологических схем, своих теоретических выводов, она выступает как осуществленная практика сторонников той или иной идеологической системы. Вот почему обращение к прошлому постоянно содержится в дискуссиях по кардинальным проблемам современности. С помощью истории в общественном сознании формируются представления:

- о причинах, обстоятельствах, месте и времени возникновения конкретной идеологической системы;
- о процессах и событиях, подтверждающих ее истинность;
- об ее основоположниках (классиках, теоретиках) и их последователях и противниках;
- о целесообразности и необходимости установления того или иного типа общественного устройства, государственного управления и его легитимности.

Вряд ли можно представить и понять творчество даже наиболее выдающихся русских ученых-историков: Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева, В. О. Ключевского и, тем более, советских исследователей — Б. Д. Грекова, Е. В. Тарле, Л. В. Черепнина и их многочисленных коллег вне контекста тех идеологических концепций, сторонниками которых они выступали, тех идейных задач, которые они перед собой ставили. Не следует забывать, что, например, Н. М. Карамзин был официальным российским историографом и выразителем интересов помещного русского дворянства, С. М. Соловьев — видным представителем западничества, В. О. Ключевский — либералом, членом партии кадетов, а советские историки и вовсе работали под строгим надзором идеологического отдела ЦК коммунистической партии и своим творчеством призваны были подтверждать правильность марксистского понимания исторического процесса. Историки всех поколений в силу своих личных убеждений или в силу определенных обстоятельств вносили свой вклад в создание и утверждение тех или иных идеологических концепций. Возьмем на себя смелость утверждать, что все исторические сочинения, кем бы и когда бы они не создавались, претендуя на роль научного знания и до известной степени им, безусловно, являясь, одновременно выступали и выступают как важнейшие компоненты тех или иных идеологических систем. Не случайно история постоянно переписывается. Например, существуют сотни, если не тысячи «научных» биографий одних и тех же выдающихся деятелей в истории человечества. Будут они создаваться и впредь. Это вполне закономерно и даже необходимо. Каждое новое поколение, каждая идеология стремятся дать свою оценку роли великих личностей, событий и этапов в истории. Люди оценивают прошлое с позиции накопленного социального опыта и той системы ценностей, которую разделяют. То, что казалось значимым и даже великим вчера, сегодня может быть подвергнуто сомнению. Это касается всех персонажей и событий мировой истории. Один и тот же исторический факт, персонаж, тот или иной исторический процесс могут получить и получают в раз-

ных идеологических контекстах не только различные, но порой и диаметрально противоположные оценки.

Тесная связь истории с идеологией не проходит для нее бесследно. Происходит абсолютизация тех или иных событий и тенденций, роль исторических персонажей часто искажается (преувеличивается или, наоборот, преуменьшается), а то и вовсе замалчивается в угоду той идеологической схеме, сторонником которой данный историк выступает. Имеют место и властные принуждения, и соблазны денежных вознаграждений в отношении авторов исторических сочинений, и их собственные, вполне искренние политические предпочтения. Особенно велико искажение реального исторического процесса в исторических работах, поставленных на службу разного рода фундаменталистским и утопическим идеологиям и, тем более, созданным ими тоталитарным режимам. В этом случае история смыкается с мифом и выступает в качестве обоснования утопии. Сам миф может генерироваться как наивностью масс, так и сознательным умыслом и действиями сил, преследующими свои цели. Поскольку мифологизация исторического процесса, то есть подмена произошедшего неким далеким от реальности «сказанием» означает разрыв с научным мышлением, она не позволяет трезво оценить прошлое и понять настоящее, принимать правильные решения на будущее. Это делает мифологизацию исторического сознания опасным для его творцов и носителей.

Обслуживая эгоистические интересы власть имущих, историк перестает быть представителем научного сообщества, а превращается в своеобразного жреца (партийного пропагандиста, чиновника), надевшего маску ученого. Историческое повествование приобретает характер сакрального предания, требующего к себе благоговейного отношения как к религиозному тексту. Данное обстоятельство питает многочисленные утверждения, что история не есть наука, а лишь политика, обращенная в прошлое, что идеологическая составляющая доминирует в оценках прошлого. На наш взгляд, категоричность данного утверждения в большинстве случаев не оправдана. Научное и идеологическое в идеале

должно находиться в диалектическом единстве. Идеологическое также неизбежно присутствует в научном историческом творчестве, как и научное в той или иной идеологической системе. Все это, естественно, не относится к историческим сочинениям, авторы которых встали на путь сознательной фальсификации истории или порвали в своем творчестве с объективной реальностью.

Крах советской идеократии повлек за собой кардинальные изменения в жизни российского общества. В тринадцатой статье Конституции Российской Федерации 1993 г. было зафиксировано два важнейших положения: «1. В Российской Федерации признается идеологическое многообразие. 2. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной»⁴. Появление этой статьи в Конституции РФ не было случайным. Сказалось долгое время пребывания советских людей в условиях господства «марксистско-ленинской» идеологии, полностью дискредитировавшей себя и ставшей важнейшей причиной гибели СССР. Возможно и то, что авторы Конституции находились под известным влиянием таких западных мыслителей, как Р. Арон, Д. Белл, К. Поппер, призывавших в 60-е гг. XX века отказаться от идеологии как механизма социальной регуляции и выдвинувших идею деидеологизации общества. Однако деидеологизации общества не наступила. Надежды на то, что в индустриальном обществе воцарятся рыночные отношения как универсальный тип социальных отношений, принцип полезности станет ведущим принципом человеческого поведения, что, в свою очередь, приведет к исчезновению идеологии, не оправдались. Сохраняются государственные, групповые, корпоративные, национальные, клановые и иные интересы, а значит и продолжают существовать обосновывающие и защищающие их системы взглядов. Что касается государства, то оно не может, да и не должно отказываться от идеологии, поскольку в этом случае оно просто погибнет, не защищая себя идейно. Власть просто

⁴ Конституция Российской Федерации. Принята народным голосованием 12 декабря 1993 г. — М. — Ростов-на-Дону, 2006. — С. 7.

не может не действовать в рамках определенных систем идеологических взглядов и предпочтений, обосновывающих проводимую ею политику и защищающих интересы тех, кого представляет. Да и «национальная идея», о которой так много говорят и которая немыслима без глубоких исторических корней, является, если вдуматься, важнейшим звеном государственной идеологии.

Носителем определенной идеологии выступают правящие элиты, которым противостоят идеологии контрэлит, борющихся за власть. Что касается конкретно России, то идеологическое многообразие усугубляется переходным состоянием российского социума. Элиты и контрэлиты широко апеллируют к историческому опыту. В идеологических спорах, принимающих порой весьма ожесточенный характер, участвуют писатели, журналисты, бизнесмены, артисты, военные, представители духовенства и, конечно, профессиональные и непрофессиональные историки. В тысячах статей, монографий, радио- и телевизионных передач, художественных произведений, на сайтах Интернета утверждаются определенные идеологические взгляды на исторические события и персонажи. Продолжают существовать, соперничая между собой и предлагая социуму свой тип общественного устройства и свой взгляд на прошлое, либеральная, консервативная, коммунистическая, социал-демократическая, национально-патриотическая, христианско-демократическая идеологии, сохраняются идеологии, отражающие фундаменталистские притязания разного рода религиозных культов и политических течений экстремистского толка, идеологии корпоративные и даже семейные (клановые). Каждая из них имеет множество оттенков, ответвлений, интерпретаций. Например, в рамках либеральной идеологии четко просматриваются либерально-патриотическое, право-либеральное и либерально-космополитическое (прозападное) течения, имеющие свой взгляд на прошлое страны. В российском обществе пока так и не сложился консенсус по основополагающим проблемам развития страны и оценке ее исторического прошлого. И разногласия эти носят прежде всего идеологический характер. Особенно это относится к событиям, явлениям

и персонажам советского периода отечественной истории. За почти два десятилетия существования демократической России не написаны академические истории Гражданской и Великой Отечественной войн, нет консолидированного взгляда общества на таких персонажей отечественной истории, как императора Николая II, Ленина, Сталина, Хрущева. И этот список можно было бы продолжить.

Идеология присутствует при написании истории субъектов Российской Федерации. Если история России в целом пишется как история единого многонационального государства, то истории национально-государственных образований в ее составе, как правило, предстают перед читателями как истории титульных этносов, весьма пострадавших от деятельности этого государства на различных этапах его истории. В сознание человека фактически имплантируется представление, что он является гражданином не собственно России, а другого, своего суверенного государства, в отношении которого историческая Россия выступала как внешняя и часто враждебная сила.

Продолжаются идеологические войны между отдельными государствами, входящими в те или иные международные объединения и союзы. Их представители (агенты влияния) — члены разного рода фондов, обладатели зарубежных грантов, участники разного рода научных обменов, дипломаты активно участвуют в научных и политических спорах по каналам российских СМИ, в интернете, публикуют и распространяют свои взгляды другими средствами. Исторические сюжеты в этих дискуссиях занимают одно из приоритетных мест. И это вполне понятно, поскольку история имеет самое непосредственное отношение к национальному и культурному самоопределению стран и народов, их взаимоотношениям на международной арене. Дискредитация истории противной стороны, своеобразная историческая политика играют важную роль в современных международных отношениях.

Идеологические заказы отрабатывают историки государств, возникших на пространстве бывшего СССР. Порой их интерпретации российского и советского прошлого носят весьма при-

чудливый характер. Как отмечают авторы сборника «Национальные истории в советском и постсоветском государствах», «для нынешнего «переписывания» истории характерны, даже среди историков, тенденции к героизации, удревнению своей государственности, завышению уровня политического и общественного развития этносов, вообще самоутверждению за счет соседей, созданию модифицированного пантеона выдающихся национальных деятелей»⁵. Примеры идеологизации исторической науки этим, естественно, не ограничиваются.

Все это свидетельствует о том, что идеология постоянно стремится доминировать над наукой в историческом знании. Как в этих условиях не допустить роковой ошибки, не позволить общественному сознанию оказаться в плену неадекватных, то есть полностью, исключительно идеологических представлений о прошлом. Очевидно, что утверждение «кто контролирует прошлое, тот контролирует настоящее, а кто контролирует настоящее — тот предопределяет будущее» является истинным только в том случае, если представления о прошлом базируются на научном знании. Короткий и трагический опыт существования СССР явил тому яркое подтверждение. От идеологии в истории, конечно, никуда не уйти. Такова сущность исторического знания. Но как при этом нельзя уйти и от науки в истории. Идеология, претендующая на выражение широких общественных интересов и рассчитывающая на длительную перспективу, должна опираться на науку, в противном случае, она не сможет обеспечить сохранность власти. Историческая мифология оборачивается игнорированием интересов и насущных проблем конкретного человека, неадекватным представлением о действительности и невозможностью достичь желаемых результатов. Вот почему так опасна недооценка государством исторической науки, попытки ограничить свободу исследователя, появление многочисленных псевдоисторических сочинений и воздействие на широкое об-

⁵Национальные истории в советском и постсоветском государствах. Изд. 2-е испр. и дополн. — М., 2003. — С. 14.

щественное сознание. Доминирование идеологии в понимании исторических процессов на рынке книжной продукции, в СМИ, в системе образования чревато существенными искажениями и даже разрушением национально-исторического сознания, духовной деградацией, потерей социальных ориентиров и исторической перспективы. Возникает неадекватное представление народа о своем прошлом, а значит о настоящем и будущем. Из этого следует только один вывод: чем больше государство и общество в своих представлениях о прошлом будут опираться на научную составляющую в историческом знании, тем в большей степени они будут застрахованы от социального эгоизма, утопизма, экстремизма и разного рода внешних воздействий, а значит получат возможность осуществлять эффективную политику.

ГЛАВА 2

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС И РОЛЬ ЛИЧНОСТИ

Не будет преувеличением сказать, что вопрос о роли личности в истории является одним из «вечных» вопросов исторической науки. Собственно и сама история как сфера человеческих знаний возникла главным образом как повествование о деяниях героев и злодеев, царей и полководцев, великих мыслителей и художников. Уже потом, значительно позже, была предпринята попытка сделать главными субъектами исторического действия классы, страты, этносы, элиты и другие социальные общности. «Противопоставление героя и массового деятеля, — как отмечает Г. С. Пак, — было обусловлено как существенным различием их социальных статусов, так и уровнем развития личностного начала в самом человеке»⁶. Очевидно, что по мере пробужде-

⁶ Пак Г. С. Многомерное время истории как человеческой деятельности. — Нижний Новгород, 1998. — С. 151.

ния личностного начала среди сотен и тысяч представителей ранее «безмолвствующего большинства», крушения социальных перегородок, развертывания массовых социальных движений, успехов в борьбе за права и свободы личности количество действующих в истории субъектов стремительно возросло.

XIX век был отмечен стремлением дать теоретическое обоснование роли личности в истории. Этот вопрос занимал видное место в творчестве многих философов и социологов. Философы-индентерминисты и волюнтаристы абсолютизировали свободу воли, считая, что «человек как бы стоит над законами необходимости и ими не связан»⁷. Пристальное внимание этому вопросу уделяли идеологи русского народничества. П. Л. Лавров в своих «Исторических письмах» писал о том, что прогресс человечества связан с деятельностью критически мыслящих личностей⁸. Н. К. Михайловский в 1882 г. в журнале «Отечественные записки» опубликовал работу «Герои и толпа», где обосновал идею о том, что именно герои увлекают своим примером массу на хорошее и дурное, благородное и подлое, разумное или бессмысленное дело⁹. В 1898 г. в журнале «Научное обозрение», затем отдельным изданием вышла работа Н. И. Кареева «Сущность исторического процесса и роль личности в истории»¹⁰.

Молодые К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали, что «история не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека»¹¹. Вместе с тем и сами основоположники диалектического материализма, и их последователи все же считали самой главной и наиболее общей причиной исторического развития поступательные

⁷ *Карпунин С. В.* Социальная ответственность личности как философская проблема. — СПб., 1999. — С. 127.

⁸ *Володин А. И., Итенберг Б. С.* Лавров. — М., 1981. — С. 143.

⁹ *Михайловский Н. К.* // Советская историческая энциклопедия. — М., 1966. — Т. 9.

¹⁰ *Кареев Н. И.* Сущность исторического процесса и роль личности в истории: Изд. 2-е. — СПб, 1914. — 574 с.

¹¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Святое семейство или критика критической критики // Соч. 2-е изд. — Т. 2. — С. 102.

изменения в состоянии производительных сил общества. Первый русский марксист Г. В. Плеханов в своей работе «К вопросу о роли личности в истории», считающейся классической среди последователей этого учения, писал, что «каковы бы ни были особенности данной личности, она не может устранить данные экономические отношения, раз они соответствуют данному состоянию производительных сил»¹². Приводя в пример Робеспьера, Г. В. Плеханов писал: «Если бы случайный удар кирпича убил его, скажем, в январе 1793 г., то его место, конечно, было бы занято кем-нибудь другим, и, хотя бы другой был гораздо ниже его во всех смыслах, события все-таки пошли бы в том самом направлении, в каком они пошли при Робеспьере»¹³. Говоря о Наполеоне, Г. В. Плеханов безапелляционно утверждал: «То, что сделал он в итальянских походах, сделали бы другие генералы»¹⁴. Такого рода теоретические рассуждения неизбежно вели к приращению роли личности в истории, а в вульгарной их интерпретации и к представлению о человеке как о «винтике» исторического процесса, к формированию мнения о том, что незаменимых людей нет. Герой или самостоятельно мыслящая и действующая личность явно не вписывались в представление об истории как объективно детерминированном естественноисторическом процессе. Не в этом ли одна из причин, что большевики, придя к власти, с такой легкостью высылали из страны выдающихся ученых и мыслителей, подвергли репрессиям и уничтожению целые слои российского общества, а накануне войны с гитлеровской Германией и многих командиров Красной армии, в том числе трех из пяти советских маршалов.

В советской исторической науке и общественности в целом существовала точка зрения, что «общественно-историческое развитие представляет собой естественный исторический, вну-

¹² Плеханов Г. В. К вопросу о роли личности в истории // Избранные философские произведения: В 5-ти т. Т. 2. — М., 1956. — С. 324.

¹³ Там же. — С. 325.

¹⁴ Там же.

тренне обусловленный, закономерный, поступательно-прогрессивный процесс»¹⁵. Реалии XX–начала XXI вв. во многом поколебали ранее казавшееся многим бесспорным утверждение. Рухнули попытки социального конструирования, опиравшиеся на, казалось, открытые «неумолимые законы истории». Очевидной стала иллюзорность надежд на построение идеального общества и создание идеального человека. Все это заставило по-новому поставить в отечественном обществознании вопрос о роли объективного и субъективного в историческом процессе. Важным является также вывод, что наряду с великими и прогрессивными участниками исторического процесса огромную роль в истории часто играют реакционные, кровожадные, безумные, а иногда и ничтожные личности. Узурпаторы и реакционеры представлены в историческом действии отнюдь не меньше, чем герои и реформаторы. Ошибочным было бы и утверждение, что «великие эпохи всегда рождают великих людей». История человечества знает немало примеров, когда лидерами становились люди, далеко не соответствующие по своим умственным и моральным качествам важности стоящих перед обществом задач¹⁶. В этой связи еще более актуальным становится вопрос: способна ли какая-нибудь личность стать определяющим фактором общественного развития? Вызван тот или иной человек эпохой или он сам ее создал? Изменился бы ход истории в случае появления или ухода того или иного исторического деятеля? Торжествуют ли неумолимые законы истории над волей человека? Сегодня совершенно очевидно, что ход исторического процесса связан как с объективными, так и субъективными факторами, по-разному проявляющимися и в разной степени влияющими на каждый конкретный момент в истории. И именно поэтому

¹⁵ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. — М., 1987. — С. 62.

¹⁶ Гринин Л.Е. Философия и социология истории: Некоторые закономерности истории человечества (опыт философско-социологического анализа всемирно-исторического процесса). — Волгоград, 1995. — Ч. 1. — С. 77.

вся совокупность этих факторов нуждается в самом тщательном и всестороннем конкретно-историческом анализе. Было бы неправильно и просто глупо руководствоваться той или иной схемой исторического процесса в каждом конкретном историческом эпизоде, не учитывая роль субъективного фактора. И столь же опрометчиво было бы игнорировать объективные условия, оказывающие огромное влияние на ход истории.

На человека воздействуют разного рода естественно-природные факторы: климат, ландшафт, качество почвы, природные катаклизмы и др. Сама деятельность человека ограничена его производственными, биологическими, интеллектуальными возможностями. Каждое историческое поколение людей в каждом конкретном месте их обитания в тот или иной период исторического процесса располагает определенными материальными ресурсами. Однако люди сами решают, как они будут распоряжаться этими ресурсами, на что будут направлены их силы. При этом в XX-начале XXI вв., по мере развития общественного производства, гигантских успехов в области науки и техники, в условиях появления новых средств массовой коммуникации, возможности человечества неизмеримо возросли. В XX в. оно впервые получило средства для самоуничтожения. И это может произойти в том числе по воле отдельного человека, в силу определенных обстоятельств, захватившего оружие массового поражения. XX века дал ужасающие примеры социального конструирования, принятые тоталитарными режимами. Все более опасный характер для судеб человечества приобретает сознательная деятельность людей в сфере материального производства, ухудшающая окружающую среду. Совершенно очевидно, что в современных условиях цена ошибки или злого умысла конкретной личности или определенной политической силы неизмеримо возрастает.

Исходной «клеточкой» общественной жизни является деятельность конкретного человека¹⁷. С одной стороны, как уже

¹⁷ Философские проблемы деятельности (Материалы «Круглого стола») // Вопросы философии. — 1985. — № 2–5.

отмечалось, она осуществляется в независимой от него исторической и естественно-природной обстановке, но с другой — носит ярко выраженный индивидуальный характер. Да и само появление той или иной личности в истории носит случайный характер. Никому не дано предугадать и способность того или иного человека к осуществлению определенной деятельности. Трудно предположить, что было бы с Россией в том случае, если бы вместо Петра Великого на рубеже XVII–XVIII вв. ее возглавил слабый и умственно ограниченный человек. А такая возможность была. Петр мог вообще не родиться. В детстве он мог погибнуть, например, во время одного из стрельческих бунтов, либо участвуя в своих «потешных» забавах. На русский престол мог взойти человек с ограниченными умственными и физическими возможностями типа его брата-соправителя Ивана. Было бы в этом случае «прорублено окно» в Европу? Получила бы Россия новую столицу на берегу Балтийского моря? Приобрела бы она статус великой державы? Вопросы эти остаются открытыми. Но несомненно, что реальна была угроза превращения страны в зависимое государство, а затем и колонию ведущих европейских держав, активно формировавших в то время свои колониальные империи.

Побудительным мотивом деятельности личности являются потребности. Существует противоречие между опережающим ростом потребностей по сравнению с реальными возможностями их удовлетворения, что является главной «движущей силой общественного и исторического прогресса»¹⁸. Сами потребности осознаются человеком, который в соответствии с ними определяет цель и характер своей деятельности. Таким образом, сознательная и целенаправленная человеческая деятельность пронизывает все явления исторического процесса. Осознание потребности и выбор направления деятельности может носить как адекватный, научно-обоснованный, так и ярко выраженный субъективный, волюнтаристский и даже причудливый характер,

¹⁸ Ковальченко И. Д. Указ соч. — С. 65.

отражающий определенно психическое состояние той или иной личности. Действия субъекта исторического процесса могут отражать его личные взгляды, соответствовать определенному уровню научного знания или отражать идеал какой-либо группы населения, в том числе и утопического характера, а, следовательно, также могут быть как правильными, так и ложными. Так, например, анализ социально-экономической и политической ситуации в России в 1917 г., произведенный на основе марксистской доктрины, толкнул большевиков во главе с В. И. Ульяновым (Лениным) на осуществление социального переворота, повлекшего за собой национальную трагедию. Попытка осуществить утопический идеал, несмотря на огромные ресурсы страны и огромные человеческие жертвы, в конечном счете закончилась полным провалом. Этот пример, с одной стороны, служит ярким доказательством того, как, казалось бы, осознанная и целенаправленная деятельность людей может привести к совершенно иным результатам, чем те, которых они пытались достигнуть. С другой стороны, он свидетельствует, что воля личности или сравнительно небольшой группы людей способна определить не только ход, но и направление исторического процесса. Правда, не навсегда. К концу XX в. Россия ценой огромных потерь сумела вернуться на общецивилизационный путь развития.

Успех или поражение той или иной личности, действовавшей в истории, в конечном счете и во многом связано все-таки с ее способностью учитывать и выбирать реальные, а не утопические или умозрительные возможности исторического развития. При этом реализация этих возможностей связана с такими факторами, как необходимость, случайность и вероятность.

Необходимость можно определить как явление, детерминированное некоторой областью действительности и однозначно предсказуемое в рамках знания о ней. Из этого определения вытекает как минимум два важных момента. Во-первых, необходимость следует предсказать. Во-вторых, требуются определенные знания для того, чтобы понять сущность, то есть внутреннее содержание грядущей необходимости. Оба эти момента субъективны.

Человек сам определяет, что ему необходимо, но этот выбор может быть как правильным, так и ложным. Что касается знаний, то они и вовсе носят ограниченный характер, когда речь идет о будущем развитии исторического процесса, обусловленного действиями множества субъективно действующих личностей. Гамлетовский вопрос «быть или не быть?» стоял и стоит перед каждым субъектом исторического действия. Но далеко не все давали на него объективно необходимый ответ. Сделанный выбор далеко не всегда обеспечивал дальнейший успех. Например, после битвы под Смоленском Наполеон мог отступить, остановиться, продолжить преследование русской армии. Последний вариант показался ему возможным и был им выбран, но именно он привел армию Наполеона к гибели. Выбор всегда является проявлением субъективной воли, хотя и обосновывается объективными причинами. Однако эти объективные причины еще не гарантируют положительный результат. Кроме того, некоторые необходимые варианты действия и вовсе могут остаться незамеченными субъектом исторического процесса или остаться нереализованными из-за активного противодействия других личностей.

Весь ход исторических событий может изменить случай. Случайным принято называть событие, которое при осуществлении совокупности условий может либо произойти, либо не произойти. При этом само случайное событие является следствием многих случайных причин. История знает ярчайшие примеры, когда именно случай кардинально изменял историческую ситуацию. В 323 году в Вавилоне в расцвете сил, полный завоевательных планов, скончался Александр Македонский. Нам не суждено узнать, как бы развивался исторический процесс в случае выздоровления и осуществления планов великого завоевателя. Тем не менее, случай в природе и в историческом процессе не совсем одно и то же. Человек, преследующий свою цель, действующий сознательно и осторожно, хотя и не может полностью избежать негативной случайности, тем не менее, в его силах попытаться свести ее к минимуму. Много, хотя и не все, зависит от качеств действующей личности.

И наконец, вероятность. Она выступает как численная мера наступления того или иного события. Но и она определяется как внешними условиями, так и качествами самой действующей личности. Некоторые условия, в том числе сыгравшие решающую роль в происхождении того или иного исторического события, могут остаться неизвестными как для исследователя, так и участников этих событий. Но и в этом случае личность, ее знания, умения, воля могут повлиять на ход событий.

Все это свидетельствует о том, что необходимость, случайность и вероятность в историческом процессе проявляются далеко не так, как это происходит в неодушевленном мире. Исторический процесс требует других научных подходов и представляет огромную сложность для его исследователя.

Как известно, история носит инвариантный, то есть однозначный характер. Однако инвариантность часто была результатом реализации одной из множества возможностей, и здесь позиция той или иной личности имела решающее значение. Любое историческое повествование наполнено действиями множества персонажей, осуществлявших выбор одной из нескольких возможностей. Часто перед человеком, действующим в истории, возникают взаимоисключающие возможности, то есть альтернативы. И. Д. Ковальченко полагал, что «альтернативой является такая историческая ситуация, которая характеризуется борьбой общественных сил за реализацию существенно отличных возможностей общественного развития»¹⁹. Однако и здесь роль личности в выборе альтернатив исторического процесса исключительно велика. В 1917 году гипотетически альтернативными вариантами развития России являлись парламентская демократия, военная диктатура и «диктатура пролетариата». За каждой из этих альтернатив стояла крупная политическая фигура: А. Ф. Керенский, Л. Г. Корнилов, В. И. Ленин, которые представляли интересы или заблуждения определенных социальных слоев российского общества. Именно воля и несомненный политический талант В. И. Ле-

¹⁹ Ковальченко И. Д. Указ. соч. — С. 73.

нина сыграли решающую роль в захвате и удержании власти большевиками. Первые две альтернативы остались нереализованными. Была выбрана утопическая альтернатива осуществления мировой пролетарской революции построения коммунизма. Казалось бы, альтернативы, за которые боролись демократ Керенский и сторонник военной диктатуры на время войны Корнилов, были более реальными. Но эти альтернативы осуществлены не были. Личность сыграла решающую роль и на многие десятилетия определила исторический путь страны. Таким образом, борьба личности за осуществление конкретной исторической альтернативы является фактически борьбой за осуществление конкретного варианта будущего, даже в том случае, если это не является исторической необходимостью.

Мы коснулись лишь некоторых важнейших аспектов большой и многогранной темы, связанной с ролью личности в истории. Несомненно, что, углубляясь в историю любой страны, исследователь сталкивается с целым комплексом вопросов, связанных с жизнью и деятельностью личностей, которых принято называть историческими. Почему именно этот, а не другой человек оставил след в истории? В чем причина успеха тиранов и диктаторов и поражения здравых и гуманных политиков? Почему одни правители пользуются любовью и уважением сограждан, а других свергают и даже казнят? На все эти и множество других аналогичных вопросов можно дать ответ только на основе конкретного изучения жизни и деятельности той или другой исторической личности. Как стало очевидно в последнее время, история вершится многими. В этой связи плодотворным, на наш взгляд, является вывод французского историка Луи Бурдо. В работе «История и историки», вышедшей более ста лет тому назад, он писал: «История человеческого рода должна быть насколько возможно историей всех человеческих существ»²⁰. Совет достоин того, чтобы к нему прислушаться.

²⁰ *Кареев Н.И.* Сущность исторического процесса и роль личности в истории: изд. 2-е. — СПб., 1914. — С. 10.

ГЛАВА 3

ПРОБЛЕМЫ АЛЬТЕРНАТИВНОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА И СОВРЕМЕННОСТЬ

Что бы произошло, если бы Наполеон, переправлявшийся через Неман, упал с лошади и утонул? Состоялась бы Бородинская битва, сгорела ли бы Москва и смог бы Александр I въехать на белом коне в Париж? А что бы случилось, если бы агентам Временного правительства удалось арестовать В. И. Ульянова (Ленина) после Июльских событий 1917 г. в Петрограде? Нашелся бы в руководстве партии большевиков человек, который столь же настойчиво и целеустремленно повел ее к захвату политической власти? Может, им мог бы стать Троцкий? Не знаем. Не было этого. Тем не менее, историческая фантастика сегодня весьма популярна. Блестящим ее образцом является роман Василия Аксенова «Остров Крым». Классикой стали строки из начала романа: «Всякий знает в центре Симферополя, среди его сумасшедших архитектурных экспрессий, дерзкий в своей простоте, похожий на очиненный карандаш небоскреб газеты «Русский Курьер». И т. д. Однако серьезные историки проблемами альтернативной истории долго не занимались. В научном сознании прочно утвердилось мнение, что «история не терпит сослагательного наклонения», а свобода воли жестко подчинена исторической необходимости. Да и небезопасно было утверждать противоположное. Зачем заниматься тем, что не произошло, чего не было. Это утверждение, особенно в нашей стране, долго основывалось на мнении: «не было, значит и не могло быть», поскольку «существуют железные законы исторического развития».

Однако сегодня это утверждение уже оспорено и достаточно убедительно. История содержит альтернативы. И исторический процесс, при всей его уникальности на событийном уровне — лишь один из возможных вариантов развития. Одним из первых, выйдя

за рамки марксистской методологии, об этом заявил М.Я. Гефтер, а затем и многие философы, историки, культурологи и социологи. Опубликовано большое количество исследований по данной проблематике. Это и вполне научные публикации, и работы представителей так называемой «фолк-истории» — произведения, претендующие на научность, но фактически таковыми в полной мере не являющиеся²¹. Можно говорить, что альтернативность исторического процесса сегодня признана научным сообществом. Учет альтернативных возможностей в той или иной исторической ситуации является фактически обязательным для современного исследователя и является важным компонентом методологии современной исторической науки, атрибутом нового исторического мышления. Теоретической базой для изучения альтернативной истории являются такие категории, как «свобода воли», «историческая случайность», «историческая возможность», «историческая вероятность»²². История действительно не «терпит сослагательного наклонения», но только в том смысле, что мы не можем знать, какие события могли бы произойти и какие конкретные исторические персонажи в них бы участвовали, в том случае, если бы была реализована другая историческая альтернатива. Проще говоря, несбывшееся — не есть исторический факт. Однако само существование исторических альтернатив в каждый отдельный момент исторического процесса несомненным историческим фактом является.

Но если в прошлом существовали альтернативы, то есть варианты исторического развития, возникает вопрос: оказывают ли эти нереализованные когда-то альтернативы влияние на современность? А если да, то в какой мере? Именно это делает изучение

²¹ См., например: *Поликарпов В. С.* Если бы... Исторические версии. — Ростов-на-Дону, 1995. — 512 с.

²² *Боcharов А. В.* Проблема альтернативности исторического развития: историографические и методологические аспекты: дис... канд. ист. наук: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kilo.tsu.ru/conclusion.htm>

исторических альтернатив актуальным и необходимым с чисто практической точки зрения. Для того, чтобы ответить на поставленные вопросы, необходимо понять, что есть Настоящее. Дело в том, что Настоящее, которое можно определить как сиюминутную действительность, является в то же время и деятельностью множества людей, преследующих в данный момент собственные интересы. Для людей, занятых поисками вариантов своего будущего, весьма важным является оценка исторического выбора прошлого и возможность использования исторического опыта. При этом необходимо понимать, что Настоящее является ничем иным, как будущим прошлого, а в этом качестве, в свою очередь, является прошлым будущего. Настоящее кратковременно и фактически неуловимо. Уникальная сущность Настоящего позволило Блаженному Августину высказать мысль о том, что есть только Настоящее, которое подразделяется на собственно Настоящее, Настоящее-прошлое и Настоящее-будущее. «Если и там будущее есть будущее, — писал он, — то его там еще нет; если прошлое и там прошлое, его там уже нет. Где бы, следовательно, они ни были, каковы бы ни были, они существуют только как настоящее»²³. Но если Настоящее есть будущее прошлого, значит оно, это прошлое, всё присутствует в Настоящем. Люди, предметы, изобретения, природные ландшафты, здания, дороги, идеи, — все это пришло из прошлого, а значит пришли и заключенные в нем нереализованные исторические альтернативы. Они столь же явственно присутствуют в Настоящем, как и одна из воплощенных в нем альтернатив, составляющая основное его содержание. Конечно, на первый взгляд кажется, что причины тех или иных событий и процессов, которые питали исторические альтернативы прошлого, уже не существуют. Изменилась эпоха, изменилось общество, умерли многие из тех, кто являлись носителями определенных взглядов и страстей. Но остались неизменными: менталитет народа, геополитические интересы

²³ *Августин Аврелий. Исповедь. Петр Абеляр. История мох бедствий.* — М., 1992. — С. 169.

государства, основные параметры климатических условий и географического положения той или иной страны, сохраняются сформулированные в прошлом идеи и сложившиеся культурные традиции, а также некоторые другие константы, имеющие устойчивое положение и длительное действие. В конце концов, живут среди нас потомки людей, боровшихся за идеалы, которым не суждено было сбыться. И вот вновь развивается над страной казалось бы ушедший в историческое небытие трехцветный флаг Российской империи, снова гербом государства является двуглавый орел, оказались востребованы и многие идеи, сформулированные в далеком и не столь отдаленном прошлом. Альтернатива развития России, предложенная Белым движением, не смогла реализоваться на полях сражений Гражданской войны. Но вот вернулось на родину из США тело А. И. Деникина и перезахоронено в стенах Донского монастыря. И вот уже на погребение останков последнего императора и его семьи в Санкт-Петербург приезжают их родственники. Что это, как не признание, если даже не торжество нереализованных альтернатив прошлого в сегодняшней жизни. Можно найти множество аналогичных примеров как в истории России, так и других стран мира. Очевидно, что прошлое может быть представлено в настоящем не только свершившемся, но и возвращением в реальную жизнь несбывшегося, то есть тех альтернатив исторического развития, которые когда-то не были реализованы. И у них есть шанс быть воплощенными в жизнь, если тут и сейчас этого захотят люди, и это будет отвечать их интересам. Следовательно, альтернативы прошлого неотделимы от проблем современного развития, а значит и социальной модернизации, поскольку каждое поколение живущих лишь дополняет прошлое результатами своей деятельности. Не реализованные в прошлом альтернативы выступают как часть исторического сознания ныне живущих людей, как уникальный и бесценный в своей уникальности социальный опыт, позволяющий делать осознанный выбор. Нет, не случайно диктаторы и разного рода тоталитарные режимы физически уничтожали потомков своих противников и оппонентов, их труды

и изображения, разрушали памятники, выкорчевывали саму память о них. Во всем этом страх перед возможной реализацией существовавших в прошлом альтернатив исторического процесса, стремление придать ему одномерный, безальтернативный характер развития.

ГЛАВА 4

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Среди жертв большевистского режима светочи российской культуры начала XX в.: Николай Гумилев, Всеволод Мейерхольд, Осип Мандельштам, молодой поэт Леонид Каннегисер, умерший от нервного заболевания и нежелания жить, Александр Блок, покончившие жизнь самоубийством Марина Цветаева, Сергей Есенин, Владимир Маяковский, высланные из страны и поэтому избежавшие смерти: Н. А. Бердяев, И. А. Ильин, С. Е. Трубецкой, С. Л. Франк, Н. О. Лосский, П. А. Сорокин, А. А. Кизиветтер. Этот скорбный перечень, естественно, не охватывает всех невосполнимых потерь. Кроме перечисленных выдающихся представителей Серебряного века русской культуры существовала масса образованных людей — тех, кто зачитывался романами Л. Н. Толстого и рассказами А. П. Чехова, слушал музыку П. И. Чайковского и А. Н. Скрябина, аплодировал на спектаклях Мариинского и Большого театров, любовался произведениями изобразительного искусства в Русском музее и Третьяковской галерее, работал чиновником, врачом, инженером, банковским служащим, юристом, составляя уникальную интеллигентскую среду российского общества начала XX в. Многие из них были либо убиты, либо умерли от голода и эпидемий в годы гражданской войны. Другие, спасая свою жизнь, вынуждены были бежать из страны. Легче всего возложить ответственность за эти трагедии только на возникший

в 1917 г. в России тоталитарный режим и закрыть эту тяжелую тему. Однако это было бы неправильно. Прежде всего, потому, что данный вывод не позволяет до конца проникнуть в суть проблемы, а значит избежать повторения подобных трагедий.

Многие из жертв большевизма являлись до 1917 г. властителями дум просвещенного российского общества. Своим творчеством они создавали ту уникальную духовную атмосферу, которая заполняла интеллектуальное пространство жизни просвещенной России начала XX века. В этой среде активно обсуждались планы общественных преобразований в России, возникали и распространялись различные революционные теории как чисто российского, так и западноевропейского происхождения. Более того, значительная часть выдающихся представителей культуры Серебряного века, в том числе и погибших впоследствии, не только сочувствовали политическому экстремизму и совершенно сознательно оказывали революционерам разного толка помощь и поддержку, но и сами активно участвовали в революционном движении. Итог: Россия в начале XX в. испытала несколько революционных потрясений, установление политической диктатуры, пережила страшную социальную трагедию под названием гражданская война, а затем вступила в длительный период тоталитаризма. Все это сопровождалось неисчислимыми жертвами народа, в том числе и самой интеллигенции.

В советский период социальные катаклизмы, которые пережила страна в начале XX в., объяснялись острыми политическими и социально-экономическими противоречиями, существовавшими в России и вступлением человечества на рубеже веков в новую эру перехода от капитализма к социализму. Перехода этого, как известно, не произошло. Что касается противоречий, то они ни в коей мере не исключают того факта, что был выбран далеко не лучший путь их преодоления, за который страна заплатила огромную цену и оказалась в итоге в историческом тупике, из которого ей еще долго придется выбираться. Сегодня совершенно очевидно, что масштабы потерь, понесенные страной после 1917 г. не могут компенсировать все достижения советского

периода. Была уничтожена российская аристократия, предпринимательские слои населения, офицерство, значительная часть духовенства, пострадали миллионы российских крестьян, огромный урон понесла образованная часть общества. Развитие страны было направлено в русло широкомасштабного социального эксперимента, повлекшего за собой гуманитарную катастрофу, во многом изменившую генофонд нации. Государство было искусственно расчленено на национальные республики, строго по границам которых впоследствии произошел развал страны. Логично предположить, что большую долю ответственности за пережитую Россией трагедию, также как за все происходящее в любой другой стране, несет ее интеллектуальная элита, так называемый «мозг нации», или как его принято называть в России — интеллигенция.

Еще в феврале 1905 г., вскоре после начала Первой русской революции, один из иерархов православной церкви епископ волынский Антоний в своей проповеди, произнесенной в Исаакиевском соборе, обратил внимание на ряд качеств, характерных для представителей интеллигенции. Антоний, в частности, говорил: «Они дышат себялюбием, ненавистью и злорадством; им чужда всякая любовь; все их поведение, все их речи есть сплошная ложь; но обманывать людей возможно лишь в продолжение недолгого времени, а вечность откроет для них их злодейские настроения»²⁴. Обвинения серьезные, тем более учитывая высокую оценку интеллигенцией своей роли в народной жизни. Однако, в 1909 г. семь выдающихся российских мыслителей того времени: Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, М. О. Гершензон, А. С. Изгоев, Б. А. Кистяковский, П. Б. Струве и С. Л. Франк в сборнике под названием «Вехи» со всей беспощадностью вновь бросили ряд серьезных упреков образованной части русского общества. В частности П. Б. Струве отмечал: «В безрелигиозном отщепенстве от государства русской интеллигенции — ключ к пониманию

²⁴ Цитата по кн.: *Мережковский Д.* Больная Россия. — Л., 1991. — С. 272.

пережитой и переживаемой нами революции»²⁵. Спустя много лет, в 1945 г. один из участников этого сборника, выдающийся русский религиозный философ Н. А. Бердяев, сам принадлежавший своим творчеством к культуре Серебряного века, в своей философской автобиографии, вспоминая о революции, писал: «Я был убежден, что вина и ответственность за ужасы революции лежат прежде всего на людях старого режима, и что не им быть судьями в этих ужасах. Я потом начал сознавать, что ответственность за духоборческий, враждебный духовной культуре характер русской революции лежит и на деятелях русского ренессанса начала XX века. Русский ренессанс был асоциален, был слишком аристократически замкнутым»²⁶.

Яркой иллюстрацией ко всему сказанному является позиция одного из главных идеологов Серебряного века Дмитрия Мережковского, сформулированная им в 1906 г. В своей знаменитой работе «Грядущий Хам» он писал: «Мироправитель тьмы века сего и есть грядущий на царство мещанин, Грядущий Хам. У этого Хама в России — три лица. Первое, настоящее, — над нами, лицо самодержавия, мертвый позитивизм казенщина, китайская стена табели о рангах, отделяющая русский народ от русской интеллигенции и русской церкви... Второе лицо, прошлое, — рядом с нами, лицо православия, воздающее Кесарю Божье... Третье лицо — будущее, под нами, лицо хамства, идущего снизу — хулиганства, босячества, черной сотни — самое страшное из всех трех лиц»²⁷. Таким образом, «Грядущего Хама» Мережковский видел не столько в будущем миропорядке, как полагают некоторые, а в том, что его окружало. Для него Хам представлен в образе современной ему царской власти, православия в том виде,

²⁵ *Струве П. Б.* Интеллигенция и революция // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. Репринтное воспроизведение издания 1909 года. — М., 1990. — С. 165.

²⁶ *Бердяев Н. А.* Самопознание (Опыт философской автобиографии) — М., 1991. — С. 231.

²⁷ *Мережковский Д.* Больная Россия. — Л., 1991. — С. 43.

в котором оно существовало на начало XX в., и в черной сотне, которая как политическая сила, возникающая в ходе революции 1905–1907 гг., объединяла наиболее политически активную часть верноподданнического населения Российской империи. Носителем противоположных, позитивных для Д. Мережковского, качеств выступала интеллигенция. Недаром он даже приводит фразу близкого к большевикам М. Горького, что «Русская интеллигенция — лучшая в мире». Он объявил интеллигенцию, на которую должен сойти и сойдет Святой Дух, «Богочеловеческим Разумом», «Логосом России», которая выступит «Не против Христа, а с Христом к свободе»²⁸. Мережковский в этот период считал, что революция не только не противоречит христианству, но и вытекает из него. Его позиция свидетельствовала о глубокой антипатии значительной части творческой интеллигенции Серебряного века к окружающей их российской действительности и готовности способствовать грядущей социальной революции.

Российская интеллигенция как самостоятельная часть общества формировалась постепенно, по мере становления в стране светской системы образования и превращения интеллектуальной деятельности в занятие достаточно многочисленной прослойки людей. В 1859–1900 гг. курс русских университетов, по неполным данным, окончили свыше 60 тыс. человек, а в 1900–1913 гг., опять-таки по неполным данным, университеты выдали 40,8 тыс. выпускных свидетельств. До 1914 г. только коммерческие училища выпустили 24,4 тыс.²⁹ учащихся обоего пола, в том числе с начала XX в. около 21 тыс. Чиновники, офицеры армии и флота, работники системы образования и здравоохранения, представители духовенства, вольнонаемные служащие органов земского и городского самоуправления, юристы, инженеры и техники, управленческий персонал различного рода частных предприятий промышленности и торговли, многочисленных кредитных

²⁸ Там же. — С. 44–45.

²⁹ *Лейкина-Свирская В. Р.* Русская интеллигенция в 1900–1917 годах. — М., 1981. — С. 8, 23.

учреждений, свободно практикующие адвокаты, литераторы, художники, архитекторы, артисты составляли многочисленную интеллектуальную среду, социальное сообщество, которое принято обозначать термином «интеллигенция». Именно эта среда генерировала возникновение духовных ценностей Серебряного века, наследие которого велико, многообразно и крайне противоречиво, являясь при этом уникальным, обладающим огромной эстетической ценностью достоянием российской и мировой культуры. Но эта же среда сформировала и вполне определенное, устойчивое отношение к окружающей ее действительности, которое характеризовалось чувством глубокой неудовлетворенности и критиканства по поводу существовавшей в стране политической системы, общества, высших лиц государства в сравнении с неким абстрактным умозрительным идеалом, рисовавшимся в воображении интеллигенции.

С самого начала своего формирования российская интеллигенция обладала целым рядом особенностей, отличавших ее от интеллектуальных сообществ стран Запада, особенностей, которые во многом и предопределили ее трагическую судьбу. Н. А. Бердяев считал возможным называть отечественную интеллигенцию скорее «идеологической, а не профессиональной и экономической группировкой». Он же подметил, что «она жила в расколе с окружающей действительностью, которую считала злой, и в ней выработалась фанатическая раскольничья мораль»³⁰. Это качество прививалось начиная с обучения в гимназиях и особенно в университетах, которые традиционно являлись сосредоточением российских интеллектуалов, оплотом свободомыслия и политического фрондерства. В. В. Розанов, которого многие справедливо относят к крупнейшим русским мыслителям начала XX в., хорошо знавший проблему изнутри, поскольку сам некоторое время работал учителем, обращал внимание на особенности образования в России: «У француза *chere*

³⁰ *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение. — М, 1990. — С. 17, 18.

France, у англичан — «старая Англия», у немцев — «наш старый Фриц», только у прошедших русскую гимназию и университет — «проклятая Россия»³¹. Такое ощущение своей страны, имплантировавшееся в сознание молодых людей, являлось следствием общих настроений, господствовавших в интеллектуальной среде, и в итоге становилось частью ментальности новых поколений российской интеллигенции.

Отрицательное отношение к российской действительности сформировалось в дореформенную эпоху, когда в стране господствовало крепостничество, и еще не начались процессы буржуазной модернизации общества, существовали цензура и произвол власти. Но во второй половине XIX—начале XX в., особенно после Манифеста 17 октября 1905 г., Россия становилась другой, утверждался парламентаризм и политические свободы, существовала независимая судебная система, интенсивно развивалась промышленность, менялся облик страны. Недооценка, недопонимание проводимых преобразований, желание ускорить процесс, встать во главе него и даже придать ему совершенно иную направленность — вот настроения, которые имели место в различных группах интеллигенции. Все эти политические оценки и стремления не носили в тех условиях конструктивного характера и объективно вели страну к внутренней дестабилизации и хаосу. В интеллектуальной среде далеко не все могли соотнести происходящие в стране постепенные процессы со своей личной судьбой, считая себя недооцененными обществом и обделенными благами жизни. Сказывался и большой разрыв между верхними слоями российского социума и разночинной интеллигенцией в уровне материального благосостояния. Традиционной для значительной части интеллигенции стала жесткая увязка своей личной неустроенности и недовольства окружающими людьми с деятельностью правительства и высших лиц государства. С другой стороны, весьма распространенным было мнение, что интеллигенция в долгу перед народом. Отсюда стремление

³¹ Розанов В. В. Опавшие листья. — М., 1992. — С. 124.

отдать этот долг, помочь народу, придумав для него идеальную модель общественного устройства.

Свой вклад в формирование социально-политических взглядов российской интеллигенции, по мнению И. А. Бунина, внесла и литература, которая «сто лет позорила буквально все классы, то есть «попа», «обывателя», мещанина, чиновника, полицейского, помещика, зажиточного крестьянина, — словом, вся и всех, за исключением какого-то «народа», — безлошадного, конечно, — «молодежи» и босяков»³².

Особо следует остановиться на той роли, которую сыграла публицистика и общественно-политические взгляды Л. Н. Толстого в формировании интеллигентского сознания конца XIX—начала XX веков. Не только как гениальный художник слова, но и как оригинальный социальный мыслитель, Толстой оказывал огромное воздействие на духовную атмосферу в стране. Его смерть и похороны, как известно, вызвали огромный общественный резонанс и стали крупнейшим общественно-политическим событием в России начала XX века. Великий писатель, создавший выдающиеся художественные произведения, навсегда вошедшие в сокровищницу мировой литературы, в своем публицистическом трактате «В чем моя вера?» утверждал, что революционеры, считающиеся самыми зловредными, опасными и, главное, неверующими людьми, являются «лучшими людьми нашего времени» и хотя не принимают главной основы христианской веры — непротивления злу насилием, но не покоряются «безропотно тому, что велят, и потому это — единственные люди нашего мира, живущие не животной, а разумной жизнью, единственно верующие люди»³³. Суждения Л. Н. Толстого о государстве, о православной церкви в России, о частной собственности, учитывая авторитет писателя, воспринимались просвещенным сообществом как откровения великого ума способствовали росту оппозиционности

³² Бунин И. А. Окаянные дни. — М., 1991. — С. 46.

³³ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. Т. 23. — М., 1928–1959. — С. 447–448.

интеллигенции и все глубже погружали интеллигентское сознание в социальную утопию.

Вождь большевиков В. И. Ульянов (Ленин), как известно, назвал Л. Н. Толстого «зеркалом русской революции». Сегодня очевидно, что оба они были зеркалами российской интеллигенции своего времени. Ленин полагал, что «Толстой смешон, как пророк, открывающий новые рецепты спасения человечества»³⁴. В отношении самого В. И. Ульянова только смехом ограничиться уже невозможно.

Российское интеллигентское сознание на протяжении всего XIX в. последовательно, без зримых интервалов, переходило от одной социальной утопии к другой. От учений французских социалистов-утопистов типа Фурье и Прудона (Петрашевцы) к общинному социализму Герцена (революционеры-демократы), получившему дальнейшее развитие в теориях революционных народников (Бакунин, Лавров и Ткачев), а затем к марксистской утопии. XIX век предстает перед нами как век создания революционных доктрин и приобщения широких слоев интеллигенции к социальным утопиям, носящим умозрительный характер, как век прекраснодушных мечтателей о всеобщем счастье. Прав был, в каком-то смысле, основатель и вождь большевизма, когда заявлял, что марксизм как революционную теорию Россия «выстрадала» полувековой историей «беззаветности исканий»³⁵. Только не Россия взяла на вооружение это западноевропейское утопическое учение, а часть российской интеллигенции, революционные метания которой завершились принятием учения о ликвидации целых социальных слоев российского общества. Происходила тотальная мифологизация интеллигентского сознания, которое все больше отрывалось от действительности. Причем это касалось не только революционных учений, социальных практик, но также философии и эстетики. Предпринимались и попытки воплотить некоторые из этих утопий в жизнь, которые, однако, еще носили

³⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 17. — С. 206, 210.

³⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 41. — С. 8.

характер отдельных неудачных опытов. Более масштабные эксперименты будут предприняты уже в следующем, XX веке.

Изменялось отношение интеллигенции и к средствам достижения поставленных целей: сначала обсуждения в кругу единомышленников и оппонентов, затем попытки пропаганды своих взглядов среди народа, на смену чему пришел индивидуальный террор, который в свою очередь был заменен террором классовым, который был взят на вооружение большевиками-ленинцами. Налицо радикализация методов достижения поставленных целей, принявших, в конечном счете, преступный характер.

Уникальным документом, дающим представление о господствующих в определенных кругах интеллигенции настроениях, дает составленный еще в 1869 г. С. Г. Нечаевым в Швейцарии революционный кодекс, получивший название «Катехизис революционера». «Спасительной для народа может быть только та революция, — провозглашал С. Н. Нечаев, — которая уничтожит в корне всякую государственность и истребит все государственные традиции, порядки и классы в России»³⁶. Обращает на себя антигосударственный, антибуржуазный и антирыночный характер всех господствовавших в России революционных утопий и непреклонная вера их адептов в свою благородную миссию сделать народ счастливым, сконструировав для него идеальное общество. В общественное сознание имплантировалась мысль, что в России все устроено не так, как нужно. Так считали не только революционные радикалы, но и либералы-западники, мечтавшие о преобразованиях на основе заимствования европейского опыта. Частнопрактикующие адвокаты считали за честь защищать в суде деятелей революционного движения, представители «прогрессивной» общественности аплодисментами встречали оправдательные приговоры их подопечным, всякого рода «борцы с режимом» и террористы становились героями в глазах образованного общества. К началу XX в. российская интеллигентская среда была

³⁶ *Нечаев С. Г.* Катехизис революционера [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/nechaev.htm>

поражена чувством неудовлетворенности, скептицизма, стремлением либо разрушить все до основания, либо уйти от окружающей действительности в абстрактный мир грез и новой идеальной эстетики. М. О. Гершензон замечал: «Наша интеллигенция на девять десятых поражена неврастенией; между нами почти нет здоровых людей, — все желчные, угрюмые, беспокойные лица, искаженные какой-то тайной неудовлетворенностью; все недовольны, не то озлоблены, не то огорчены». И далее: «Мы заражаем друг друга желчностью и сумели до такой степени насытить, кажется, самую атмосферу нашими неврастеническим отношением к жизни, что свежий человек — например, те из нас, кто долго жил за границей — на первых порах задыхается, попав в нашу среду»³⁷. Не правда ли, звучит очень современно, особенно когда читаешь реакцию на происходящее в стране в блогах интернета или слушаешь передачи некоторых коротковолновые радиостанции.

Не следует забывать, что люди типа М. Бакунина, С. Нечаева, П. Ткачева, П. Лаврова, С. Перовской, А. Желябова и пришедших им на смену Г. Плеханова, Б. Савинкова, И. Каляева, А. Керенского, В. Ульянова (Ленина), Л. Бронштейна (Троцкого) и их соратников, являлись не только революционерами-радикалами, но и плоть от плоти были представителями российской интеллигенции, людьми глубоко интегрированными в интеллектуальную среду конца XX–начала XX в. Нет практически ни одной значимой социально-политической, экономической или культурной проблемы этого периода, по поводу которой мы не имели бы соответствующих высказываний и развернутых оценок теоретиков революционного радикализма, стремившихся оказать возможно большее влияние на общественное сознание своих современников и, во многом, достигавших этой цели. Особое место в их работах занимали нападки на православие, на религиозную духовность вообще. Революционным радикалам казалось, что атеизм,

³⁷ Гершензон М. О. Творческое самосознание// Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. Репринтное воспроизведение издания 1909 года. — М., 1990. — С. 90.

сциентизм, позитивизм, а затем и марксизм навсегда победили «отсталое» религиозное мировоззрение.

Безусловно, таких взглядов придерживались не все представители интеллигенции. Существовало достаточно мощное духовное течение, идущее из глубин истории, через православие к наследию Н. М. Карамзина, К. П. Победоносцева, М. Н Каткова, Ф. М. Достоевского, К. Н. Леонтьева, Л. А. Тихомирова (в молодости народника), Н. Я. Данилевского, а затем к лучшим работам Н. Ф. Федорова, В. С. Соловьева, В. В. Розанова, П. А. Флоренского, И. А. Ильина, С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяева и других мыслителей начала XX века. Они видели будущее России на путях религиозно-нравственного возрождения, много и по-разному говорили и писали об этом. Но обращает на себя внимание очень слабая связь этих мыслителей с массовой консервативной средой российского общества, даже после 1905 г., когда произошло оформление монархических партий и организаций. Не было среди них и либерально-консервативных мыслителей, близких, например, к идеологии английских тори и взглядам Б. Н. Чичерина, С. Ю. Витте и П. А. Столыпина, стремившихся осуществить в стране либеральные реформы при сохранении монархии и традиционных российских духовных ценностей. Не эти люди являлись властителями дум российского просвещенного сообщества. Распространившиеся оригинальные религиозные и оккультные учения не могли восполнить дефицита серьезных теоретических работ правоцентристской направленности. Лишь В. В. Розанов был глубоко потрясен убийством Столыпина, которого он ценил как выдающегося реформатора и политика³⁸. Российская интеллигенция Серебряного века в своем большинстве всегда сторонилась национально-патриотической, консервативной и тем более откровенно монархической идеологии и политических организаций ее представлявших. Либерально-демократическая печать, не говоря уже о революционной, неоднократно обвиняла консервативных

³⁸ См. подробнее: *Философия и искусство Серебряного века в судьбе России.* — СПб., 2012. — С. 68 и др.

и религиозных мыслителей в «реакционности» и «мракобесии». Царь, его семья и их окружение к началу XX в. вызывали у представителей интеллигентского сообщества самые разные чувства: от насмешек и скептического презрения до ненависти. Можно привести большой перечень клеветнических измышлений, касавшихся лично Николая II и членов его семьи, постоянно инспирировавшихся либеральной и революционной общественностью, впоследствии с успехом перекочевавших в советские учебники истории. Но не только царская семья и представители дома Романовых подвергались травле, охаиванию и злобному вышучиванию. К концу XIX в начале XX в. объектами всякого рода нападок, провокаций, а затем и покушений становились высокопоставленные чиновники, жандармы, судьи, губернаторы, прокуроры, то есть все те люди, которые обслуживали государственный механизм Российской империи и создавали условия для стабильности и порядка в стране, без которых не могло происходить ее поступательное развитие, нормально существовать различные слои населения, в том числе и сама интеллигенция. Она была готова верить во что угодно: в «народ богоносец», в марксизм, в учение Е. Блаватской, в древнегреческие дионисийские и восточные культы, эзотерику, каббалу, трансцендентный мир, но только не в русского царя и православное государство. Начиная с 1901 г. были убиты тысячи мелких чиновников, тверской, самарский, симбирский, уфимский, пензенский, акмолинский, одесский губернаторы и генерал губернаторы, генерал-губернатор Москвы С. А. Романов и петербургский градоначальник В. Ф. фон дер Лауниц, министры внутренних дел Д. С. Сипягин и В. К. Плеве, министр просвещения Н. П. Боголепов, министр внутренних дел и председатель Совета министров П. А. Столыпин. Убийство в июне 1918 г. в Екатеринбурге императора Николая II и всей его семьи, включая детей, и разразившаяся в России гражданская война, стали трагической кульминацией всей этой вакханалии политического террора. Были совершены преступления, не имеющие срока давности, политические убийства, за которые в отношении их организаторов и исполнителей так и не были

вынесены судебные вердикты о их виновности, хотя бы посмертно. Наверное поэтому имена этих людей носят улицы, площади и целые города в Российской Федерации. Долго, на протяжении большей части XIX–начала XX в. создавалась та духовная атмосфера, которая сделала возможным разразившуюся в России трагедию. Как очень верно подметил Н. А. Бердяев, «вся русская интеллигенция не любила государство и не считала его своим. Государство это были «они», чужие, «мы» же жили в ином плане, чуждом всякому государству»³⁹. Презрительно-отстраненное упоминание о России — «в этой стране», столь популярное сегодня среди части интеллигентского сообщества, имеет, таким образом, давние исторические корни. Интеллигенция в основном находилась либо в пассивной, либо в активной оппозиции к существующей форме государственного правления и тяготела, в основном, к прозападническим леволиберальным, неонародническим и социал-демократическим партиям и движениям⁴⁰. Принадлежность к числу православных патриотов для интеллигентного человека, считавшего себя «прогрессивным», была моветоном.

В начале XX в., в условиях практически полной духовной свободы, наступившей после издания Манифеста от 17 октября 1905 г., культурное сообщество России погрузилось в глубокую идеологическую разобщенность, индивидуализм и духовные метания. Яркий пример в этом смысле представляет, например, тот же Д. С. Мережковский, политические взгляды которого на протяжении всей его жизни эволюционировали самым причудливым образом. Погруженные в запредельные сакральные миры, увлеченные мистицизмом, демономанией и сатанизмом, эротикой, эстетикой безобразного, многие представители интеллигенции теряли связь не только с христианской моралью, православием, но и с общечеловеческими ценностями как таковыми. «И Господа, и дьявола // Хочу прославить я» (В. Брюсов), «За Дьявола тебя

³⁹ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение. — М., 1990. — С. 54.

⁴⁰ См.: подробнее Лейкина-Свирская В. Р. Указ соч. — С. 218–254.

молю // Господь» (З. Гиппиус), «Отец мой Дьявол» (Ф. Сологуб), «Увечье, помещательство чахотка // Падучая и бездна всяких зол, // Как части мира, я терплю вас кротко, // И даже в вас я таинство нашел... // В гармонии мне дорог произвол» (К. Бальмонт). М. Волошин звал на Россию «Ангела Мщения», который должен был «в сердце девушки вложить восторг убийства и в душу детскую кровавые мечты» и т. д. Многие деятели Серебряного века сами создавали свой зловещий мир и сами его ненавидели, сладостно и со страхом ожидая его неизбежной гибели. И в этом смысле они были вполне готовы к тому революционному беспределу, который ожидал Россию в будущем, не осознавая при этом до конца, всего ужаса своей собственной грядущей судьбы. Между тем ни уровень материального обеспечения интеллигенции, ни ее общественный статус, ни возможности творческой свободы, ни, тем более, темпы социально-экономического развития Российской империи и рост ее населения в начале XX в. не давали этой части интеллигенции повода к страстному желанию гибели государства, в котором они жили.

Во второй половине XIX–начале XX века в России сформировался целый социальный слой так называемой «революционной интеллигенции». Знакомясь с биографиями наиболее выдающихся представителей этой части интеллигентского сообщества, условиями их жизни в детстве и юности, нельзя не поражаться высоким уровнем благосостояния их семей, разнообразными возможностями приобщения к духовным ценностям окружающего их мира, высоким общественным статусом их родителей и ближайших родственников. Тем не менее, общим идейным стержнем для этих людей, представлявших самые разные революционные течения и партии, начиная от либералов и кончая деятелями радикального революционного толка, была глубокая антипатия и непонимание ценности исторических форм российской государственности, обеспечивающих поступательное развитие страны, и православия как основы духовного единства народа. Разрушение этих институтов являлось главной целью их борьбы и для многих высшим смыслом жизни. Вот уж по-

истине, как говорится: «Безумству храбрых поем мы песню!» Многие из профессиональных революционеров значительную часть жизни проводили за границей, пользуясь поддержкой, в том числе и финансовой, самых разных политических сил, организаций и структур, заинтересованных в ослаблении России как державы-конкурента. Вне зависимости от глубокой политической разобщенности и постоянных внутрипартийных и межпартийных склок в среде «революционной интеллигенции», у ее представителей существовал некий общий консенсус по вопросу о необходимости революционного изменения существовавшего в России общественного строя и, в первую очередь, свержения царя. Очевидно, что при таких настроениях и таком раскладе сил в культурном сообществе России ликвидация ее монархической православной государственности была лишь делом времени и возможного благоприятного момента.

Есть основания утверждать, что к началу XX в. значительная часть российской интеллигенции превратилась в своеобразный «малый народ», о котором писал, применительно к истории Франции кануна Великой французской революции, французский историк Огюстен Кошен. Она погрузилась в мистические переживания, созерцание чистой эстетики, уверовала в безграничные возможности западной демократии, в утопические учения о создании идеального общества и, таким образом, оторвалась от жизни российского «большого народа». Интеллигенция не боялась революции, а значительная ее часть ее страстно желала.

Процесс национального уничтожения вступил в решающую стадию в дни Февральской революции 1917 г., когда группа либеральной интеллигенции, вовлеченная в политику через участие в деятельности Государственной Думы, членство в политических партиях и масонских ложах, использовала спонтанное недовольство народа для устранения легитимного правителя страны в лице императора Николай II. Свержение царя было задумано и осуществлено в самый разгар Первой мировой войны, в условиях, когда Россия имела реальную возможности ее победоносно завершить. Легко провести аналогию. Можно ли

было затевать демократическую революцию в СССР и свергать сталинский режим в декабре 1941 г., когда немецкие полчища стояли под Москвой? Ответ очевиден: «Это полное безумье или национальное предательство». Но аналогия страдает. Россия 1917 г. не была похожа на сталинский Советский Союз. К началу 1917 г. в России действовал парламент, существовали самые разные политические партии, издавались их газеты, отсутствовала, кстати, карточная система, и было много из того, чего не было в сталинской России. Так что демократию устанавливать было вовсе не обязательно, поскольку в царской России 1917 г. она была. Тем не менее, либеральная интеллигенция инициировала, а по возможности и возглавила, народные волнения. К ней присоединились хлынувшие из разных стран и выпущенные из тюрем сторонники разного рода радикальных революционных течений, в результате император Николай II был свергнут с престола, в стране начался хаос, приведший спустя всего лишь восемь месяцев к устранению либералов и захвату власти радикалами-утопистами. А. И. Солженицын заметил: «Интеллигенция сумела раскачать Россию до космического взрыва, да не сумела управлять ее обломками»⁴¹. Нельзя без горестного удивления читать в воспоминаниях В. Д. Набокова — отца будущего известного писателя, что, оказывается, А. И. Гучков — лидер партии октябристов, занявший пост военного и морского министр Временного правительства — уже во второй половине апреля 1917 г., то есть через полтора месяца после свержения царя, в котором он сыграл одну из самых заметных ролей, «пришел к убеждению, что работа Вр. Правительства безнадежна и бесполезна и что «нужно уходить»⁴². Спрашивается, зачем нужно было свергать царя и брать власть, если уже через полтора месяца заявлять о своем полном бессилии и готовиться к бегству. Тот же В. Д. Набоков вынужден был признать, говоря о другом министре Временного

⁴¹ *Солженицын А. И.* Образованщина // Публицистика. Статьи и речи. — Вермонт; Париж, 1989. Т. 9. — С. 85.

⁴² Архив русской революции. В 22 т. Т. 1. — М., 1991. — С.42.

правительства М. И. Терещенко, что «он не был и не мог быть на высоте политической задачи, выпавшей ему на долю. Роль его была для него столь же не по плечу, как и для большинства прочих министров»⁴³. П. Б. Струве, много размышлявший о судьбе России в эмиграции, писал: «Россию погубила безнациональная интеллигенция, единственный в мировой истории случай забвения национальной идеи мозгом нации»⁴⁴.

Радостная эйфория, вызванная победой Февральской революции, прошла очень быстро. Счастья революция не принесла, но государственный механизм был полностью дезорганизован, полиция, суды, жандармерия разогнаны, из мест заключения выпущены тысячи преступников, армия начала разваливаться и уже не могла продолжать войну, резко упала трудовая дисциплина. Жить в России становилось не только неудобно, но и страшно. Материализовавшаяся мечта о прекрасной революции, «празднике угнетенных и эксплуатируемых масс» не имела ничего общего с переживаемой действительностью. После Февраля идейный разброд в интеллигентской среде достиг невероятных масштабов. Одни считали, что нужно «идти в революцию дальше» и воплощать в жизнь социальную утопию, другие ругали себя и народ, третьи откровенно начали ждать прихода немцев и кого угодно — только бы вернуть утраченный комфорт или хотя бы человеческие условия жизни. Однако до конца трагизм положения в этот период осознан не был, поскольку для этого просто не хватило времени, ситуация менялась слишком быстро. Но факт остается фактом, что через несколько месяцев Временное правительство уже никто не любил, и никто не пошел защищать его в промозглые октябрьские дни 1917 г. А зря, впереди страну, народ и саму интеллигенцию ожидали еще более страшные времена. И.Л. Солоневич писал: «Стотысячные стада русской интеллигенции ходили к водопою то к Гегелю, то к Канту, то к Руссо,

⁴³ Там же. — С.47.

⁴⁴ *Струве П.Б.* Размышления о русской революции. — София, 1921. — С. 17.

то к Марксу. Они зубрили истории всех революций мира. И готовили собственную — величайшую в истории мира. И вот, эта величайшая пришла»⁴⁵. Роль интеллигенции в этой революции трудно переоценить. Действительно, не рабочие же и крестьяне были духовными отцами, вдохновителями, разработчиками планов и руководителями Февральской и произошедшей вскоре после нее великой по своим трагическим последствиям Октябрьской революции. Прав был член ЦК партии кадетов, бывший депутат Государственной думы, один из творцов Февральской революции, В. А. Маклаков, заявивший в мае 1917 г., что «и если, господа, потомство проклянет эту революцию, то оно проклянет и тех, которые вовремя не поняли, какими средствами можно было бы ее предотвратить»⁴⁶. Но были и другие суждения, раскрывающие особенности и своеобразие российского интеллигентского сознания. А. И. Шингарев — врач по специальности, лидер кадетской фракции в Государственной думе, последовательно министр земледелия, а затем министр финансов во Временном правительстве, уже арестованный большевиками и помещенный в Трубецкой бастион Петропавловской крепости писал в своем дневнике: «Теперь, когда революция произошла в таких размерах и в таком направлении, какого тогда никто не мог предвидеть, все же я говорю — лучше, что она уже произошла! Лучше, когда лавина, нависшая над государством, уже скатилась и перестает ему угрожать, лучше, что до дна раскрылась пропасть между народом и интеллигенцией и стала, наконец, заполняться обломками прошлого режима. Лучше, когда курок ружья уже спущен и выстрел произошел, чем ожидать его с секунды на секунду. Лучше потому, что только теперь может начаться реальная созидательная работа, замена глиняных ног русского колоса

⁴⁵ Солоневич И. Л. Диктатура слоя. // Полн. собр. соч. — Буэнос-Айрес, 1956. — Т. 2. — С. 157.

⁴⁶ Александр Керенский: любовь и ненависть революции. Дневники, статьи, очерки и воспоминания современников. — Чебоксары, 1993. — С. 152.

достойным его и надежным фундаментом. Вот почему я не сожалею о происшедшем, готов его повторить и не опасаясь будущего. Я не боюсь несчастных и безумных опытов социалистов»⁴⁷. Бедный, бедный, несчастный Андрей Иванович, он не знал, что жить ему оставалось совсем немного, менее чем через месяц, в ночь на 7 января 1918 г., он, вместе со своим политическим единомышленником и другом Ф. Ф. Кокоскиным, будет растерзан в Мариинской больнице революционными матросами. Не мог он знать и какую цену заплатят народы России за те «несчастные» и «безумные», как он их называл, опыты социалистов, которых он так прометчиво не опасался, сидя в Трубецком бастионе.

Осознание произошедшего со страной пришло после массовых бессудных расстрелов, экспроприаций нажитых ценностей, осквернения храмов, начала принудительных общественных работ, выселения из квартир и разного рода унижений по социально-классовому принципу. Октябрьский переворот и последовавший за ним геноцид народа, то, что можно назвать «русским холокостом», заставили многих интеллектуалов переоценить свою прошлую жизнь, понять, какую Россию они потеряли и просто спастись от новой власти с ее неумным желанием проводить социальные опыты над собственным народом. Так, например, З. Гиппиус еще в 1905 г. Объявляла «властью от Антихриста» самодержавие, а в 1918 г. уже большевиков. Для оказавшегося в эмиграции Д. Мережковского, имевшего возможность до этого вкусить все ужасы красного террора, даже такие политические деятели, как Пилсудский, Муссолини и Гитлер стали казаться не посланниками Антихриста, о пришествии которого он раньше очень много говорил и писал применительно к дореволюционной России, а избавителями человечества от большевизма. И. А. Бунин, вынужденный в 1919 г. покинуть Москву и проживавший в Одессе, сокрушался: «Наши дети, внуки не будут в состоянии даже представить себе ту Россию, в которой мы когда-то (то есть вчера) жили, которую мы не ценили, не понимали, — всю эту

⁴⁷ Там же. — С. 307.

мощь, сложность, богатство, счастье...»⁴⁸. Один из представителей московской профессуры в эмиграции писал: «Привыкнув к жизни большого культурного центра, к своим лекциям, книгам, театрам, трамваям, поездам, телефонам и т. д. и т. д., я совершенно забыл о возможности таких атавистических взрывов и никак не ждал, что в начале XX века к нам вернется первобытная жизнь во всей ее неприкрашенной наготе и перевернет все верх дном»⁴⁹. К сожалению, такого рода «прозрения», случившиеся у многих российских интеллигентов после 1917 г., и запоздалые признания своих ошибок уже не могли поправить дело. Интеллектуальная элита поэтому и называется «мозгом нации», что она может уберечь свой народ от социальных катастроф и несчастий. Многие оказались умны «задним умом», но этого, как известно, мало для счастья народа, да и для собственного спасения. Это не прошло мимо изошренного и циничного ума В. И. Ульянова (Ленина). Мы знаем, сколь презрительно вождь большевиков отзывался об отечественной интеллигенции, когда решался вопрос об аресте некоторых ее представителей⁵⁰.

Приходится с горечью констатировать, что в лице большевизма в России восторжествовала самая настоящая нечаевщина, та самая бесовщина, о которой предупреждал Ф. М. Достоевский, являвшаяся не чем иным, как преступным принципом достижения поставленных революционных целей. Руководствуясь новой революционной моралью и установив в стране жесточайшую диктатуру, большевики-ленинцы приступили к осуществлению своего проекта кардинальной реконструкции общества

⁴⁸ Бунин И. А. Окаянные дни. — М., 1991. — С. 42.

⁴⁹ Архив русской революции. В 22 т. Т. 1. — М., 1991. — С. 191–192.

⁵⁰ В письме А. М. Горькому, отправленном 15 сентября 1919 г. в Петроград, В. И. Ульянов (Ленин) писал: «Интеллектуальные силы рабочих и крестьян растут и крепнут в борьбе за свержение буржуазии и ее пособников, интеллигентов, лакеев капитала, мнящих себя мозгом нации. На деле это не мозг, а г...» (Ленин В. И. Полн. соб. соч. — Т. 51. — С. 385).